

DOI 10.18522/2415-8852-2022-4-21-43

УДК 82-93

**«ИЗВЛЕКАЙ ИЗ ВСЕГО НАИБОЛЬШУЮ ПОЛЬЗУ»: МИР КАК РЕСУРС
В ДЕТСКОЙ НЕХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-Х ГГ.**

Елена Олеговна Казакова

магистр, младший научный сотрудник Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом) (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: elena.mail.kazakova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4600-4050

Аннотация. В статье рассматривается процесс выстраивания «ресурсного подхода» в отношении природы в раннесоветской детской нехудожественной литературе. На примерах книг об энергетике, технологиях, полезных ископаемых, растительном и животном мире показано, как происходит отказ от сентиментализации природы и переориентация на потребительский дискурс. С точки зрения метода статья находится в зоне пересечения научных подходов в литературоведении, с одной стороны, придерживаясь традиции исследования риторики и попыток ее контекстуализации, с другой – задействуя арсенал современной цифровой гуманитаристики и используя возможность автоматизированного построения конкорданса по леммам «польза», «полезный», «использовать» с помощью корпусного инструмента (ДетКорпус). Анализ выявленных контекстов словоупотребления демонстрирует, как с помощью понятия «польза» авторы формируют у читателя новый модус природопользования, где «извлечение пользы» становится ключевым условием во взаимодействии с окружающим миром. В отношении добычи сырья, энергетических ресурсов, освоения территорий, живой природы авторы применяют риторику «метафорического насилия» – подавления и принуждения вольных природных сил, которые должны быть поставлены на службу человеку. Рассматриваются такие идеологические составляющие этого феномена, как кампания по продвижению плана первой пятилетки и тексты М. Горького, концептуализирующие проект антропоцентричного мира, в котором человек выступает источником силы, реорганизуя «первую природу» в культуру – «вторую природу». Резюмируется существование особого тренда в рамках нехудожественной литературы, формируемого специфической авторской риторикой, при двойной прагматике текстов, состоящей не только в трансляции идей, но и в вовлечении детей в экономические и производственные процессы.

Ключевые слова: советская детская литература, нон-фикшн, нехудожественная литература, научно-популярная литература, ресурсы, природа, природопользование

В первые годы существования СССР детская литература довольно быстро была признана важным инструментом в формировании нового поколения советских людей. Она стала предметом обсуждений, общественных дискуссий, подверглась переосмыслению, а затем и определенной регламентации. На детскую книгу была возложена функция подготовки «строителей будущего» – это отрефлектировано как современниками [Гринберг; Дульский, Мексин; Крупская; Луначарский], так и исследователями [Маслинская 2017; Мязотс; Хеллман; Штейнер]. В статье А. Гринберг «О детской советской литературе и детском читателе» (1925) отвергалось «<...> право ребенка на личные интересы и мнения. Детям предстояло, вместо чтения сказок о природе и животных, окунуться во взрослый мир заводов и машин, превратиться в реальных строителей светлого будущего. <...> всеми силами им внушалась необходимость мыслить рационально и в строго очерченных границах» (цит. по: [Малахова: 234]). Сходная мысль звучит в заключении книги П. Дульского и Я. Мексина: «Современная детская книга и в связи с ней современная иллюстрация должны воспитать в ребенке будущего гражданина, который мог бы чувствовать себя подготовленным к строительству культуры нового мира» [Дульский, Мексин: 126–127]. В Постановлении ЦК ВКП (б) от 23 июля 1928 г. о «Мероприятиях по улучшению юно-

шеской и детской печати» в качестве одной из задач детского чтения закреплялось «привлечение молодежи (...) к непосредственному участию в социалистическом строительстве» (цит. по: [Малахова: 233]).

Помимо изменений в беллетристике, происходит переформатирование нехудожественного направления в литературе (сейчас мы бы определили его термином non-fiction): сохраняется существовавший и в дореволюционной литературе жанр научно-популярной книги о разных областях знания, появляется так называемая производственная книга – об устройстве техники и технологических процессов, книги категории «сделай сам» получают практическую направленность и снабжаются инструкциями и рекомендациями по созданию полезных механизмов и устройств разной степени сложности. На примере текстов 1920-х гг. (не только научно-популярных, но и художественных) хорошо прослеживается отказ от фантазийных сюжетов в пользу описания реалий. В этой новой советской жизни под заголовком «Волшебное подземелье» читателя ожидает вовсе не сказка, а описание соляных рудников [Там же: 235]. Новой «сказкой» для советских детей стали книги, описывающее «уже почти наступившее будущее» – благополучную и благоустроенную городскую жизнь, основанную на достижениях индустриализации и покорении природы, новые «чудеса» – это чудеса техники [Мязотс: 60].

В нехудожественной литературе 1920-х – начала 1930-х гг. большое место занимает не только идея познавательного изучения окружающего мира, но и идея извлечения из него пользы – и не столько личной, сколько государственной. Все, что прежде могло казаться лишь частью окружающего мира, в новой оптике становится полезным ресурсом – нужно лишь найти способ им овладеть. Как пишет один из авторов нон-фикшн-книг, «из открытий и изобретений чисто научного характера люди всегда умудрялись извлекать какую-нибудь пользу для себя, для потребностей своей практической жизни»¹ [Заборский 1927а: 33–34].

На этот «ресурсный подход» мы обратили внимание, работая над тематическим обзором нехудожественной детской литературы 1920-х гг. на материале 140 изданий [Казакова]. Это наблюдение позволило увидеть в раннесоветской детской нон-фикшн-литературе некоторую «сквозную идею», объединяющую очень разные на первый взгляд тексты. В этой статье предпринята попытка рассмотреть этот феномен более детально, поместить его в более широкий контекст, проанализировать авторскую риторичку.

В качестве вспомогательного инструмента в этом исследовании используется нехудожественный подкорпус Корпуса русской прозы для детей и юношества [Маслинский, Лекаревич, Алейник]. На момент написания статьи подкорпус нон-фикшн включает 130 произведений, изданных с 1915 по 2019 гг.². Несмотря на скромный объем, подкорпус нон-фикшн позволяет автоматизировано построить конкорданс и получить контексты словоупотребления, которые дают более репрезентативную картину, чем поиск вручную. Конкорданс, построенный по лемме «польза» в хронологическом диапазоне 1921–1932 гг., дает 79 контекстов, по запросу «использ*» (леммы «использовать», «использование», «использован») – 39 контекстов («все отбросы будут использованы», «можно использовать выгодно девяносто рек», «– Да, жаль добра, слышались голоса. И неужели использовать нельзя?»), по запросу «полез*» (леммы «полезный», «полезность», «полезно») – 48 контекстов.

Построение конкорданса по лемме «пользоваться» дает примеры нейтрального словоупотребления («они во время лазания по деревьям пользуются еще цепким хвостом», «это прибор (...), которым пользуются в те-

¹ Здесь и далее цитаты приведены с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

² Поиск в корпусе осуществлялся при помощи веб-интерфейса, доступного по адресу: <http://detcorpus.ru>. Использовалась версия корпуса, актуальная для ноября 2022 г.

атре», «электрическим лоцманом скоро начнут пользоваться и во всех гаванях СССР»), которые не являются релевантными предмету исследования. Из анализа были также исключены и другие нерелевантные контексты: «в пользу такого предположения говорит тот факт», «вечер в пользу беспризорных»). Все перечисленные контексты были отсортированы вручную по релевантности и дополнены примерами из изданий, не вошедших в корпус.

Для уточнения семантических свойств слова «польза» был построен конкорданс по запросу «выгод*» (леммы «выгода», «выгодность», «выгодный»), который дал в совокупности 42 контекста. В некоторых случаях «выгода» выступает синонимом «пользы» («подвижность – весьма выгодное свойство; оно полезно прежде всего для успешного добывания пищи»). Однако, как правило, выгода интерпретируется как экономическое преимущество, деньги («скупают скот с большой выгодой для себя и с малой выгодой для хозяина»; «кирпичные заводы всего выгоднее строить там, где находится глина»), и иногда – как личное обогащение, корысть («Живое существо (...) нередко пользуется, в своих интересах, себе подобными, эксплуатирует их, извлекает из них выгоду, живет за их счет»), в отличие от трактовки пользы как некоего более абстрактного блага в широком смысле («трудящиеся работают на себя, на свое

трудовое государство, для пользы всех (а не для обогащения капиталиста)»).

При анализе контекстов словоупотребления выяснилось, что идея «пользы» была применима к очень широкому спектру тем: от природопользования и естественных наук, до школьных предметов («Чему же мы должны учиться? – А тому, что приносит пользу для рабочего дела», «Знание тогда станет силой, когда мы его будем употреблять с пользой», «Закон божий приносит пользу только буржуям, поэтому его мы и не учим») и досуга («В часы отдыха можно провести время несравненно интереснее и полезнее», «думают о том, как бы им полезнее провести время отдыха дома»), спорта («Какая польза, в самом деле, от слабого, больного человека? Разве может он быть борцом?», «К сожалению, еще не все граждане уяснили себе значение и пользу спорта») и труда («он должен так устроить свою работу, чтобы как можно больше принести пользы, больше выработать полезных предметов»).

Эта статья сфокусирована прежде всего на теме пользы природных ресурсов, «ресурсный подход» рассматривается на примерах из текстов о полезных ископаемых, энергетике, растительном и животном мире. На текущем этапе исключены из анализа не менее интересные, но более опосредованные смыслы пользы «человеческих ресурсов»: самого тела человека, его личного времени, физических сил, здоровья.

Поскольку в первую декаду существования СССР одними из важнейших промышленно-экономических направлений были ресурсы и энергетика, уместной и целесообразной идея извлечения пользы представляется в книгах, посвященных природопользованию. Однако внутри этой категории, и даже в рамках одной книги, авторская риторика может значительно различаться.

В нашей подборке можно выделить ряд текстов, где преобладает нейтральный тон объясняющего рассказчика, стиль изложения стремится к научному, а слово «польза» используется единично [Ульянинский 1928; Заборский 1927а; Заборский 1927б]. В книге «Вода в природе и на службе человеку» [Ульянинский 1931] наряду с подобными нейтральными упоминаниями пользы («ливни могут причинить вред; умеренные же дожди оказывают большую пользу, если они выпадают в подходящее время» [Там же: 18]), встречаются примеры более специфической «потребительской» риторики: «Невольно приходит мысль воспользоваться этой буйной силой и заставить ее служить себе» [Там же: 60], «делаются попытки взять водяную силу в руки и заставить ее служить на пользу промышленности» [Там же: 66].

Полярная ситуация наблюдается в книгах «Бунтовщик из вашего чайника» [Пожарский] или «Моя поездка на Волховстрой» [Лопатин 1925а]: повествование в них эмоционально окрашено, используются приемы,

характерные для художественного текста, – тропы, восклицания:

«(...) пар обладает силой, и силой подчас очень не маленькой, которую было бы грешно и глупо не „арестовать» и не заставить работать на пользу человека. Ведь если пар прекрасно сумел поднимать крышку чайника, так почему бы не заставить его выполнять более разумную работу – что-нибудь двигать или вращать! Так додумался человек до мысли использовать пар в паровых двигателях. <...> А теперь попробуем подробнее разобраться в том, как устроена „тюрьма» нашего бунтовщика и как арестованный капризный пар работает в ней» [Пожарский: 8–9].

«Были видны только две почти отвесные скалистые стены (...) да белая пена ревущего Волхова. Казалось, это ловят дикого зверя, а он, разрывая сети, вырывается на волю. – Этого то зверя мы и словим скоро в нашу клетку ... да и заставим не просто камни выворачивать и глупо шуметь и пениться, а полезное дело делать – восемьдесят тысяч лошадиных сил в наш Красный Питер посылать!» [Лопатин 1925а: 8–9].

«И еще, и еще взрывы, перемешиваясь с глухим треском ломающегося льда. Разорванные маленькие льдинки с грохотом и шумом бьются о бетонную одежду кессонов и, обессиленные неравной борьбой, быстро уносятся в узкие пространства между бетонными столбами. Им на помощь оттуда, с верховьев, надвигаются новые горы громадных

ледяных глыб, чтобы с новой силой наброситься на наши укрепления. Но подрывники не дремлют. В нужный момент они рвут эти страшные глыбы, превращая их в беспомощные льдинки, напрягая все силы на то, чтобы во что бы то ни стало отстоять свои позиции. Эта война, эти бесконечные взрывы продолжались подряд несколько дней. Но вот наконец опасность миновала. Основная масса льда прошла, и теперь уже ясно стало, что последнее нападение Волхова отбито. Даже ему не под силу было бороться с современной техникой и рабочим упорством» [Там же: 37–38].

В приведенных цитатах легко заметить повторяющуюся метафору «принудительного пленения» природных сил, подчинения их человеку ради извлечения пользы. Оба автора используют риторику подавления/принуждения: борьба со стихией сравнивается с охотой, с войной, с подавлением бунта, а возобладание человека – с победой в этой войне с природой. Делается акцент на том, что человек осваивает природные ресурсы и извлекает из них пользу силой: пар-«бунтовщик» нужно арестовать, чтобы он работал в тюрьме, воду нужно словить в клетку и заставить работать. Природные силы наделены субъектностью и при этом охарактеризованы «негативными» чертами: пар – «капризный», вода – «глупо шумит», подчеркивается, что, будучи укрощенными, они будут выполнять «более разумную работу» и «полезное дело делать». Здесь при-

сутствует «воспитательная идея» – человек превращает дикую стихию в упорядоченную силу. Показательны и названия глав в упомянутых книгах: «Пар пытается убежать из тюрьмы», «Как заставят работать Волхов», «Последняя атака Волхова», транслирующие идею подавления.

Персонаж книги «На телефонной станции» [Лопатин 19256] сравнивает электрический ток с мальчишками-беспризорниками, чтобы объяснить несведущему собеседнику устройство телефона: «Детский дом – электрическая батарея, которая посылает по тротуару – проводу электрический ток. Шалуны-беспризорные, это – электроны или, говоря проще, электрический ток» [Там же: 14]. Очевидно, автор использует актуальную для 1920-х гг. метафору безудержной неконтролируемой силы, которую нужно обуздать, призвать к порядку, поэтому довольно последовательно в тексте появляется и умиряющий беспризорников «милиционер»: «Другими словами, пластинка, это – милиционер, а электрический ток – трусливые папиросники. Ясно, что чем дальше стоит у окна милиционер, тем дальше происходит улепетывание папиросников и наоборот» [Там же: 19]. Нельзя забывать, что целевой аудиторией научно-популярных книг были читатели с крайне невысоким уровнем образования и грамотности. По сравнению с другими природными силами (водой, ветром, паром) электричество в массовом сознании представлялось силой гораз-

до более непостижимой, даже «волшебной», поэтому одной из задач книг этой тематики было «расколдовать» электричество, лишить его магических черт и представить как исключительно материалистический феномен [Chunikhin]. В попытках облечь научное знание в действительно «популярную» форму авторы склонялись к использованию развернутых антропоморфных метафор, и, вероятно, «приземленное» и упрощенное сравнение тока с беспризорниками как раз является примером «доходчивого объяснения».

В книге «Торф» [Гейзель, Ивановский] степень целесообразности использования разных видов топлива выясняется путем инсценировки детьми судебного процесса над персонифицированными углем, нефтью и торфом. В итоге уголь и нефть «обвиняются» в недостаточной эффективности, и прокурор «высылает» их из Ленинграда, а торф как местный ресурс, наоборот, «оправдан» и вводится в оборот:

«Председатель суда: Может быть, подсудимый, вы хотите что-нибудь добавить?»

Торф: Да, я хочу сказать, что из имеющихся торфяных залежей в бывших Череповецком, Лужском и Лодейно-Польском округах не добывается ни одной тонны. В Новгородском, Боровичском и Псковском – тоже почти ничего не добывается. И только в Ленинградском – разрабатывается 4,7% всех залежей. По-моему, это совершенно недопустимо. Все. Я кончил» [Там же: 9].

Здесь природные ресурсы не только наделаются субъектностью, им вменяется еще и ответственность за собственную «полезность».

Недружелюбную к человеку природу Средней Азии описывает В. Шкловский в книге «Турксиб» [Шкловский], строительство железной дороги здесь представлено как преодоление череды препятствий, отвоевывание пространства у природы:

«Дороги нужно построить тысяча четыреста сорок два километра. Это трудно. Но дорогу строят не по ровному месту. Нужно пройти горы, реки, овраги, пески. Это гораздо труднее, чем просто провести насыпь на тысячу четыреста сорок два километра. Бежит быстрый Иртыш. Через него нужно построить мост. И мост построили» [Там же:18].

Человеку в этом мире отводится главенствующая роль, он всемогущ и обязательно одерживает победу над «злонравной» природой.

Риторику, объединяющую приведенные примеры и выражающуюся в использовании терминов «колонизация», «преобразование», «освоение», «война», «завоевание», Л. Рудова в своем исследовании обозначает как «метафорическое насилие» над природой (*metaphorical violence*). В качестве одного из ярких примеров этого феномена в художественной литературе она приводит стихотворение С. Маршака «Война с Днепром» (1931),

где река представлена как «почти сознательно-антисоциалистическая сила, которую необходимо подавить» [Rudova: 213–218]:

Человек сказал Днепру:

– Я стеной тебя запрю.

Ты

С вершины

Будешь

Прыгать,

Ты

Машины

Будешь

Двигать!

– Нет, – ответила вода –

Ни за что и никогда!

И вот к реке поставлена

Железная стена.

И вот реке объявлена

Война,

Война,

Война!

Значительную роль в культивировании «риторики полезности» сыграл план первой пятилетки, реализовавшийся в 1928–1932 гг.: масштабная пропагандистская кампания, нацеленная на высокий темп индустриализации, спровоцировала и подстегнула стремление «выжать максимум» из природных и человеческих сил. В литературе это выразилось в том числе и в отказе от романтизированного восприятия природы:

на смену «эмоциональному созерцанию» как методу взаимодействия с окружающим миром приходит «грандиозная битва с природой» [Rudova: 216]. В изданной в 1930 г. книге «Рассказ о великом плане», посвященной первой пятилетке, М. Ильин абсолютизирует «ресурсную оптику» в отношении природы:

«Если из окна вагона вы видите только пустыри, леса и болота, вы ничего не видите. Пустыри – это глина, песок, камень. Леса – это балки, стропила, стойки, шпалы. Торфяные болота – это электрический ток. Из глины и песка мы сделаем кирпичи, из глины и извести – цемент, из железной руды – железо. Сырье у нас найдется» (цит. по: [Ильин: 17]).

Впрочем, процесс смены приоритетов в литературе начался гораздо раньше, Дульский и Мексин фиксируют происходящие изменения, солидаризируясь с мнением своих современников Полежаева и Пунина, сформулированном в книге «Против цивилизации» (1918):

«Господствовавший в прежней детской литературе сентиментализм должен уступить место более жизненным, интенсивным здоровым настроениям. Прежнее воспитание, дававшее обществу хрупких, капризных, самовлюбленных людей, должно быть заменено суровой школой боевого стоицизма, героизма и творческого вдохновения» (цит. по: [Дульский, Мексин:126]).

Другой, возможно, не менее важной идеологической составляющей нового утилитарного отношения к миру стала концепция «второй природы» Максима Горького, которую он формулирует в своей статье «О культуре» (1928) [Горький 1928] и на которую продолжает опираться в статье «О темах» (1933) [Горький 1953]. Под «второй природой» понимается «окультуренная стихия», «первая природа», преобразованная человеком – носителем энергии, реорганизующим мир. Транслируя марксистскую теорию, он формулирует одну из целей детской литературы так:

«Вступая в новый мир, в мир свободного, технически облегченного труда и в бесклассовое общество, дети должны знать, как огромно значение физического труда, как он изменяет не только формы, но и качества материи, как, овладевая ее стихийными силами, создает “вторую природу”» [Горький 1953].

Среди тем, предложенных Горьким к разработке в новой детской книге, есть и «Две природы», отражающие «цикл» взаимодействия человека и природы:

«Первая часть.»

Власть природы над человеком. Враги человека: ветер, гроза, болота, холод, зной, речные пороги, пустыни, хищный зверь, ядовитые растения и др.

Вторая часть.

Война человека с враждебной природой и создание новой природы. Покорение ветра, воды, электричества. Болота дают человеку торф как топливо и удобрение. Животные и растения на службе у человека и т. д.

Третья часть.

Власть человека над природой. Плановый, организованный труд социалистического общества. Победа над стихиями, над болезнью и смертью.» [Там же].

Выстраивается идея нового антропоцентричного мира, в котором человек неограниченной властью подчиняет себе природу.

Идеи экологичности, мысли о нанесении природе непоправимого вреда через неэтичное потребление еще не беспокоят авторов: все действия человека природу улучшают, упорядочивают, организуют, облагораживают. Если современная стратегия вторичной переработки материалов выстраивается прежде всего в рамках заботы о сохранении природы, то в 1920-е гг. она вписана все в тот же ресурсный подход. Автор книги «Сбережем миллионы» [Лопатин 1929] (с характерным названием одной из глав – «Миллионы в помойной яме») довольно экспрессивно продвигает идею «безотходности», декларируя ценность отходов как «бесплатного» ресурса. Дети и подростки активно вовлекались в кампании по сбору отходов, при этом собранные средства никогда не оставались в их распоряжении:

«Заработанные деньги следует отдать на благо страны и на пользу пролетариев всего мира, а именно: на займ “Пятилетку в четыре года”, на посевную кампанию, помощь китайским детям, постройку школы, международный пионерслет, поддержку французской газеты “Юманите”, подводную лодку “КИМ”, трактор “Безбожник”, бастующих металлистов Германии, на освобождение Гарри Айзмана (...), на памятник Карлу Либкнехту или на культослуживание лесорубов» [Суслова: 66].

Общественные нужды, а, следовательно, и общественная польза всегда приоритетны по отношению к личной пользе. Сама мысль об извлечении личной выгоды клеймилась как «буржуазная» и «капиталистическая».

Процессы, которые описываются в детской литературе с тематикой живого мира, можно условно разделить на несколько течений. В художественной (и, как правило, иллюстрированной) литературе животные могут быть антропоморфизированы, их образы эмоционально окрашены (наиболее показательны книги художников Вл. Лебедева, Ю. Васнецова, Е. Чарушина, П. Митурича и др. (см. [Блинов])) – это мир приятных и симпатичных существ, такие книги апеллируют к чувствам читателя. Альтернативное направление, сформировавшееся в начале XX в., – зообеллетристика – полностью отказалось от антропоморфизации и сказочных образов в пользу натуралистических наблюдений, обретения нового подхода к живой

природе, в рамках которого животные предстают совершенно особыми субъектами (самым ярким представителем этого направления стал Виталий Бианки (см.: [Маслинская 2020])). Этот подход формировал наиболее реалистичные представления о живой природе, отводя человеку роль не хозяина, но, скорее, «друга природы», заинтересованного и благожелательного гостя [Rudova: 230]. Нехудожественная литература 1920-х гг. в рамках этой тематики формирует тексты, продвигающие «ресурсный подход», при котором и живой мир становится источником пользы для человека.

Идеи «пользы» и «безотходности» наиболее бескомпромиссно сформулированы в книге «Животные: что они дают человеку» [Юницкий]. Начав с «гуманистической декларации»: «Самые близкие друзья человека – это домашние животные. Они приносят большую пользу человеку при жизни своей», автор цинично быстро переходит к утверждению: «Польза от домашних животных не ограничивается их жизнью. Они полезны и мертвые» [Там же: 5–7]. Далее в тексте представлен подробный разбор технологических процессов по использованию абсолютно всех частей животного: «Мясо коров, овец, коз и лошадей идет в пищу. Шкура идет на выделку кож, мехов и шерсти. Рога, копыта, кости, кровь – все идет, как мы увидим дальше, на пользу человеку» [Там же: 7–8].

Вынесенный в заголовок этой статьи лозунг определен в предисловии к серии, в рамках которой вышла книга о пользе животных:

«Лозунг “Извлекай из всего наибольшую пользу”, объединяющий все книжки данной серии, уже объясняет их содержание и цель. Уменьше извлекать из всего наибольшую пользу предполагает прежде всего знание того, что можно получить из животного, растительного мира и недр земли. В этом отношении необходимо знать не только тот основной, главный продукт, который получается, но и второстепенные продукты его, “отбросы”, как принято их называть. И нужно определенно запомнить, что все отбросы должны быть использованы. Ничего не должно пропадать бесполезно» [Там же: 3].

В сфере взаимодействия человека с неживой природой авторы не видят никаких этических проблем. Если стихии и персонифицируются, то лишь для усиления драматизма повествования, яркости образов, акцентирования упорядочивающей и облагораживающей роли человека. В случае с животным миром появляется определенный конфликт, поскольку уже существует традиция восприятия животных либо как «младших братьев» человека, либо как «субъектов живой природы». Чтобы выстроить апологетику «потребительского подхода», авторы пытаются объяснить через концепцию извлечения пользы процессы, идущие в природе, а потом включить в эту систему человека, который,

как и другие животные, извлекает пользу из природы.

В нашей выборке достаточно много примеров того, как через понятие пользы объясняются природные процессы – она выступает неким мотивом, универсальной причиной, придавая осмысленность поведению животных:

«В этой жидкости добыча гибнет и переваривается, то есть растворяется, разлагается на более простые части и всасывается, идет на пользу растению» [Брук 1927: 11].

«<...> губит ли плоды яркий, бросающийся в глаза цвет? Или, может быть, он приносит им пользу?» [Невский: 13].

«Теперь, кажется, вполне понятно – какую пользу приносят насекомые цветам, посещая их, перелетая с одного цветка на другой» [Там же: 55–56].

«<...> пузырек-ловушка приносит громадную пользу растению, особенно в такой среде, где мало почему-либо веществ, обычно служащих для питания растений» [Вундер: 58].

Особенно «удобными» для выстраивания ресурсной концепции кажутся примеры из жизни общественных насекомых, на основании которых гораздо легче выстроить параллели с поведением человека:

«<...> они [муравьи] разводят других животных (тлей, кокцид и т. п.) в целях извлечь из них ту или иную пользу, разводят и растения (грибные сады)» [Шмидт: 48].

«Жизнь пчелы, направленная вся на пользу пчелиной семьи, весь ее напряженный труд – ничтожный для себя, но огромный для пчелиной общины – в высокой степени интересен и поучителен» [Шабловский: 6].

Через необходимость извлечения пользы автор пытается объяснить и «потребительское» отношение человека к живой природе:

«Живое существо (и человек не составляет исключения) нередко пользуется, в своих интересах, себе подобными, эксплуатирует их, извлекает из них выгоду, живет за их счет. Другие животные и растения, по отношению к данному индивиду, представляются ему ведь, просто-на-просто, “внешнею средой”, обстановкой, аксессуарами... Лишь человек, силою своего разума, может охватить суть дела, может поставить себя на место других, может постичь, что это такие же самодовлеющие живые существа, как и он сам. Но, если все окружающее, а в том числе и остальные организмы, лишь обстановка, почему же не воспользоваться ее благоприятными сторонами для своей выгоды, почему не поэксплуатировать ближних для своих целей? Природа не знает альтруизма – он создан человеческим чувством и разумом. В природе царит холодный эгоизм...» [Шмидт: 48–49].

В книге Юницкого домашние животные по умолчанию существуют для пользы человека, а в случае с дикими автор все же ищет некоторое моральное основание для их «использования»: в соответствии с его логикой можно и нужно убивать «вредных» животных-врагов – волков, медведей, тигров, львов – иначе они нападут на человека или домашних животных, и – раз уж убили – нужно воспользоваться мехом, а «невредных» пушных зверей можно убивать и просто ради экономической выгоды. В качестве решающего аргумента в оправдание охотников за пушниной автор приводит благополучие их семьи: «Чем больше они их убьют, тем больше получают денег за их шкуры, тем сытнее и богаче проживет их семья» [Юницкий: 10]. Подобный подход отражен в посвященной промысловой охоте книге «Пионеры в царстве пушнины» [Желиговская]. Характерно само название, в которое уже встроен «ресурсный взгляд»: пионеры не в другом регионе страны, интересном этнографически, не в мире дикой природы, они в царстве пушнины и в каждом животном видят прежде всего мех как цель всего промысла.

Приведенные выше примеры демонстрируют, что авторы этих текстов считают необходимым привести оправдание «потребительскому» подходу к живой природе. Таким оправданием становится, например, мотив взаимной выгоды, появляющийся в книге «Мед и пчелы», – человек не просто отнимает

у пчел весь мед «в свою пользу», а берет «излишки» в оплату своих услуг по уходу за ними:

«Инокентьич ухаживает за пчелами в улье. Он чистит ульи, ремонтирует их <...>. Он подметает полы в ульях весной, летом и осенью, стережет ульи, которые сам и делает из досок, и за это он берет от них излишний, накопленный ими мед в свою пользу» [Шабловский: 12].

Если стихии и дикие животные в большей степени способны сопротивляться человеку, с ними нужно «бороться» или «завоевывать» их, то растительный мир человек просто обязан освоить, достичь полного контроля над ним, искоренить все неэффективное и бесполезное:

«– <...> Теперь мы знаем, зачем цветут цветы.

– Для себя, только для себя...

– А человек все устраивает. Изю всего получает пользу...

– А будет такое время, когда не останется этих вольных цветов, а будут расти только такие цветы, какие захочет человек? Александр Иваныч кивал головою» [Захаров: 32].

Характерно, что «вольные цветы» в этой цитате – это тоже своего рода неупорядоченная стихия, которую нужно подчинить воле человека.

Как и в примерах с «капризными и глупыми» природными силами, «вредными» жи-

вотными, в описании растений легко заметить «негативные» характеристики того, что не приносит пользы, поэтому в приведенной ниже цитате полезные плодоносящие растения – «счастливые собратья», а бесполезные цветы – «одинокие», «ненужные», «жалкие»:

«Правда, и теперь встречаются кое-где запоздалые одиночки – цветы, но они производят жалкое и грустное впечатление... Одинокие, никому ненужные стоят они, покачиваясь под порывами ветра, напоминая людям о недавно минувших, солнечных днях. Их счастливые собратья уже давно отцвели, – и созрели теперь появившиеся на местах их, подчас вкусные, сладкие плоды. <...> Ба! Да здесь еще красуются последние цветы мака. <...>. Вы находите их красивыми и хотите сорвать? Что ж, они не принесут никакой уже пользы, эти бедные запоздалые цветы, и вы свободно можете украсить ими свои рабочие столики» [Невский: 5–6].

В иллюстрированном указателе «Съедобные грибы» [Брук 1931] сбор грибов позиционируется как освоение малоиспользуемого ресурса питания. Как и в примере с переработкой мусора, автор здесь делает акцент на его доступности и разворачивает перед читателем головокругительные перспективы обогащения:

«Можно смело сказать, что если полностью использовать наши грибные богатства, то мы могли бы не только снабдить ими всю нашу страну, но

и сделать из них предмет экспорта, получить значительные суммы денег в иностранной валюте. На грибы имеется неограниченный спрос. Грибы купят в каком угодно количестве. Грибы можно обменять на тракторы, машины, цветные металлы, турбины, на что угодно. Таким образом правильно организованный сбор и сбыт грибов могут содействовать в немалой степени строительству социализма» [Там же: 8].

Всего в один короткий абзац автор уместает экономическую цепочку от грибных богатств до строительства социализма.

Прагматика этих текстов состояла не только в трансляции идей, но еще и в вовлечении детей и подростков в экономические и производственные процессы. Им отводилась роль «начальной ступени» в иерархии строителей социализма, и детская литература должна была указывать на это:

«Необходимо так использовать природу, чтобы ничего не пропадало зря, без пользы для человека. Что же нужно для этого сделать? Нужно много работать, чтобы изучить все природные богатства, научиться правильно их использовать. Работать должны не отдельные лица, узкие специалисты только в своей области, а одновременно большое количество людей, и работать сообща, организо-

ванным коллективом. Вот такую работу и ведут кружки юных натуралистов» [Гребенщиков¹].

«Работа по сбору утиля только тогда будет ценна, если к ней будут привлечены массы детей обслуживаемого отрядом района» [Лопатин 1929: 33].

Как отмечает К. Рейнольдс, наделение детей субъектностью, артикуляция той важной роли, которую сами дети могут сыграть в создании обновленного будущего, – все это способствовало успеху этих книг у читателей [Мяэотс: 69].

Помимо того что дети активно вовлекались в процесс освоения ресурсов, они вовлекались также и в процесс распространения информации и «вербовки» новых участников. Предполагалась своеобразная «инверсия ролей»: сначала учителя (просветители, организаторы) вовлекают детей в процессы освоения ресурсов, а затем уже сами дети вовлекают «непросвещенных» взрослых:

«Если вы хотите приносить пользу нашему государству, то должны еще что-то делать. Но что? <...> Заинтересовать своих товарищей, пионерский отряд, школу, окружающее население и привлечь их к спасению гниющих богатств. <...> всем и каждому – отцам, матерям, товарищам, знакомым – мы

---

¹ Текст доступен по адресу: <http://detcorpus.ru>

должны твердить об экономии и стыдиться за каждую выброшенную газету, за каждую выброшенную ими кость» [Лопатин 1929: 27].

«Если бы каждый пионер, привлеки неорганизованных и родителей, собрал 20 килограммов утиля в год, то всего собралось бы около 40 тысяч тонн; это дало бы нам возможность ввезти из заграницы дополнительно машин и оборудования на 4 миллиона золотых рублей» [Там же: 28].

Таким образом литература формирует не только образ ребенка-актера, но образ ребенка как проводника новой идеологии, на которого возложена просветительски-идеологическая миссия по отношению к старшему поколению [Voronina].

Резюмируя приведенные примеры, можно заключить, что в нехудожественной детской литературе 1920-х гг. существовал выраженный тренд на формирование у читателя определенного «ресурсного мировоззрения», которым будущие строители социализма руководствовались бы в любой своей деятельности. Авторы используют набор риторических паттернов, создавая книги о природопользовании, призванные стать частью реализации глобального советского проекта по построению нового мира, подчиненного человеку и устроенного в соответствии с его запросами. Литература как наиболее доступное медиа была признана важным инструментом в утверждении кон-

цепции антропоцентрического мира, посредством которого государство разговаривает с ребенком как со взрослым, выстраивая план, определяя цели и даже делегируя ему полномочия.

Литература

Блинов, В.Ю. Русская детская книжка-картинка 1900–1941. М.: Искусство XXI век, 2009.

Брук, Г.Я. Съедобные грибы. М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во, 1931.

Брук, Г.Я. Откуда и как произошли животные и растения. М.: Молодая гвардия, 1927.

Вундер, П.А. Жизнь болот и прудов. Харьков: Всеукр. о-во содействия юным ленинцам, 1924.

Гейзель, М., Ивановский, М. Торф. Л.: Ленинградское областное издательство, 1931.

Горький, М. О культуре // Культурный поход. 1928. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-124.htm> (дата обращения: 22.11.2022).

Горький, М. Собр. соч. В 30 тт. Т. 27. Статьи, доклады, речи, приветствия (1933–1936). М.: ГИХЛ, 1953 [Электронный ресурс] URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-283.htm> (дата обращения: 22.11.2022).

Гребенщиков, В.Е. Юные натуралисты. М., Л.: Государственное издательство, 1925.

Гринберг, А. О детской советской литературе и детском читателе // Детские чтения. 2013. Т. 3 (1). С. 8–19.

Дульский, П., Мексин, Я. Иллюстрация в детской книге. Казань: Школа полиграф. производства им. А.В. Луначарского, 1925 [Электронный ресурс] URL: <https://electro.nekrasovka.ru/book/6154060> (дата обращения 22.11.2022).

Желиговская, К.А. Пионеры в царстве пушнины. М.: Молодая гвардия, 1927.

Заборский, А.П. (1927а). От каменной горы до печки. М.: Работник Просвещения, 1927.

Заборский, А.П. (1927б). Стекло, его производство и применение. М.: Работник просвещения, 1927.

Захаров, А.А. Почему цветут цветы. М.: Новая Москва, 1925.

Ильин, М. Рассказ о великом плане. М.: Детиздат, 1936.

Казакова, Е.О. Новая научно-популярная книга 1920–х гг.: о чем и как? // *Детские чтения*. 2021. Т. 20 (2). С. 281–307.

Крупская, Н.К. Детская книга – могущественное орудие социалистического воспитания // Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 3. Обучение и воспитание в школе. М.: Издательство Академии Педагогических Наук, 1959.

Лопатин, П. (1925а). Моя поездка на Волховстрой. М.; Л.: Молодая гвардия, 1925.

Лопатин, П.И. (1925б). На телефонной станции. Харьков: Юношеский сектор издательства «Пролетарий», 1925.

Лопатин, П.И. Сбережем миллионы. М.: Молодая гвардия, 1929.

Луначарский, А.В. О детской литературе, детском и юношеском чтении. М.: Детская литература, 1985.

Малахова, Л.П. Формирование фонда печатных изданий для детей и юношества в условиях советского общества в 20–30 годы XX века // *Научный диалог*. 2018. № 2. С. 231–242.

Маслинская, С.Г. Неутомимый борец со сказкой (критика детской литературы в трудах Н. Крупской) // *Историко-педагогический журнал*. 2017. № 1. С. 172–186.

Маслинская, С.Г. Зообеллетристика начала XX в.: авангард и педагогика // *Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология*. 2020. Вып. 57. С. 136–150.

Маслинский, К., Лекаревич, Е., Алейник, Л. Корпус русской прозы для детей и юношества // Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору, 2021. Версия V2. DOI: 10.31860/openlit-2021.4-C001

Мяэотс, О.Н. Советские детские книги в Европе и в США в 1920–1930-е гг. // *Детские чтения*. 2018. Т. 12 (2). С. 57–95.

Невский, М.Л. На зеленый простор. Тверь: Октябрь, 1923.

Пожарский Л. Бунтовщик из вашего чайника. М.: Молодая гвардия, 1925.

Суслова, И. «Надо знакомиться с машинами»: материалы о кремации в газетах «Пионерская правда» и «Ленинские искры» (1927–1930-е гг.) // *Детские чтения*. 2020. Т. 17 (1). С. 62–89.

Ульянинский, В.Ю. Работа ветра. М.: Государственное издательство, 1928.

Ульянинский, В.Ю. Вода в природе и на службе человеку. М.: Гос. Учебно-Педагогическое изд-во, 1931.

Хеллман, Б. Сказка и быль: История русской детской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Шабловский, Н.Н. Мед и пчелы. Л.: Книга, 1925.

Шкловский, В.Б. Турксиб. М.: Государственное издательство, 1930.

Шмидт, П.Ю. Занимательная зоология. Петроград: Начатки знаний, 1923.

Штейнер, Е.А. Авангард и построение нового человека. Искусство советской детской книги 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Юницкий, П.Е. Животные, что они дают человеку. М.: Центросоюз, 1924.

Chunikhin, K. (2021). Spells of materialist magic, or Soviet children and electric power back. In M. Balina, & S. Oushakine (Eds.), *The pedagogy of images: depicting communism for children*. University of Toronto Press, 265–298.

Rudova, L. (2021). From nature to “second nature” and back. In M. Balina, & S. Oushakine (Eds.), *The pedagogy of images: depicting communism for children*. University of Toronto Press, 209–236.

Voronina, O. (2020). Education of the soul, Bolshevik style: pedagogy in Soviet children’s literature from the 1920s to the early 1930s.

In O. Voronina (Ed.), *A companion to Soviet children’s literature and film*. Leiden, Boston: Brill, 212–249. DOI:10.1163/9789004414396_008

References

Blinov, V. (2009). *Russkaja detskaja knizhka-kartinka 1900–1941* [Russian children’s picture book 1900–1941]. Moscow: Iskusstvo XXI vek.

Bruk, G. (1927). *Otkuda i kak proizoshli zhivotnye i rastenija* [Where and how animals and plants originated]. Moscow: Molodaja gvardija.

Bruk, G. (1931). *Sedobnye griby* [Edible mushrooms]. Moscow: State educational pedagogical publishing house.

Chunikhin, K. (2021). Spells of materialist magic, or Soviet children and electric power back. In M. Balina, & S. Oushakine (Eds.), *The pedagogy of images: depicting communism for children*. University of Toronto Press, 265–298.

Dul’skij, P., & Meksin, J. (1925). *Illjustracija v detskoj knige* [Illustration in a children’s book]. Kazan’: School of printing production named after A.V. Lunacharsky. Available from: <https://electro.nekrasovka.ru/book/6154060> (date of access: 22.11.2022).

Geyzel’, M., & Ivanovskiy, M. (1931). *Torf* [Peat]. Leningrad: Leningrad regional publishing house.

Gor’kij, M. (1928). O kul’ture [On culture]. *Kul’turnyj pokhod* [Cultural campaign], 1. Available from: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-124.htm> (date of access: 22.11.2022).

Gor'kij, M. (1953). O temakh [On themes]. In *Sobranie sochinenij v tridcati tomah* [Collected works in thirty volumes] (Vol. 27). Moscow: State publishing house of fiction. Available from: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-283.htm> (date of access: 22.11.2022).

Grebenshchikov, V. (1925). *Yunye naturalisty* [Young naturalists]. Moscow, Leningrad: State publishing house.

Grinberg, A. (2013). O detskoj sovetskoj literature i detskom chitatele [On Soviet children's literature and children's reader]. *Detskie Chtenija* [Children's readings], 3(1), 8–19.

Hellman, B. (2016). *Skazka i byl': istorija russkoj detskoj literatury* [Fairy tale and true story: a history of Russian children's literature]. Moscow: New literary review.

Il'in, M. (1936). *Rasskaz o velikom plane* [The story of the great plan]. Moscow: Detizdat.

Kazakova, E. (2021). Novaja nauchno-populjarnaja kniga 1920–h gg.: o chem i kak? [A new popular science book of the 1920s: about what and how?]. *Detskie Chtenija* [Children's readings], 20 (2), 281–307. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-2-20-281-307

Krupskaja, N. (1959). Detskaja kniga – mogushhestvennoe orudie socialisticheskogo vospitanija [Children's book is a powerful tool of socialist education]. *Pedagogical essays* (Vol. 3). Moscow: Publishing house of the Academy of Pedagogical Sciences.

Lopatin, P. (1925a). *Moya poezdka na Volkhovstroy* [My trip to Volkhovstroy]. Moscow, Leningrad: Molodaja gvardija.

Lopatin, P. (1925b). *Na telefonnoj stantsii* [At the telephone exchange]. Kharkov: Youth sector of "Proletarij" publishing house.

Lopatin, P. (1929). *Sberezhem milliony* [Let's save millions]. Moscow: Molodaja gvardija.

Lunacharskij, A. (1985). *O detskoj literature, detskom i junosheskom chtenii* [On children's literature, children's and youth reading]. Moscow: Detskaja literatura.

Malahova, L. (2018). Formirovanie fonda pechatnyh izdanij dlja detej i junoshstva v uslovijah sovetskogo obshhestva v 20–30 gody XX veka [Formation of the fund of printed publications for children and youth in the conditions of Soviet society in the 20–30s of the XX century]. *Nauchnyj Dialog* [Research dialogue], 2, 231–242.

Maslinskaya, S. (2017). Neutomimyy borets so skazkoy (kritika detskoj literatury v trudakh N. Krupskoy) [A tireless fight with a fairy tale (criticism of children's literature in the works of N. Krupskaya)]. *Istoriko-pedagogicheskij Zhurnal* [Historical and pedagogical journal], 1, 172–186.

Maslinskaja, S. (2020). Zoobelletristika nachala XX v.: avangard i pedagogika [Literature on animals of the early 20th century: avant-garde and pedagogy]. *Vestnik PSTGU. Serija IV: Pedagogika. Psihologija* [Herald of Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities. Series

IV: Pedagogy. Psychology], 57, 136–150. DOI: 10.15382/sturIV202057.136-150

Maslinsky, K., Lekarevich, E., & Aleynik, L. (2021). Korpus russkoy prozy dlya detey i yunoshstva [Corpus of Russian prose for children and youth]. *Repozitoriy otkrytykh dannykh po russkoy literature i fol'kloru* [Open data repository for Russian literature and folklore]. Version V1. DOI: 10.31860/openlit-2021.4-C001

Mjajeots, O. (2018). Sovetskie detskie knigi v Evrope i v SShA v 1920–1930-e gg. [Soviet children's books in Europe and the United States in the 1920s–1930s.]. *Detskie Chtenija* [Children's readings], 12 (2), 57–95. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-2-20-344-349

Nevskiy, M. (1923). *Na zelenyy prostor* [To the green space]. Tver: Oktyabr'.

Pozharskiy, L. (1925). *Buntovshchik iz vashego chaynika* [Rebel from your teapot]. Moscow: Molodaja gvardija.

Rudova, L. (2021). From nature to “second nature” and back. In M. Balina, & S. Oushakine (Eds.), *The pedagogy of images: depicting communism for children*. University of Toronto Press, 209–236.

Shablovskiy, N. (1925). *Med i pchely* [Honey and bees]. Leningrad: Kniga.

Shklovskiy, V. (1930). *Turksib* [Turksib]. Moscow: State publishing house.

Shmidt, P. (1923). *Zanimatel'naya zoologiya* [Entertaining zoology]. Petrograd: Nachatki znaniy.

Shtejner, E. (2002). *Avangard i postroenie novogo cheloveka. Iskusstvo sovetskoj detskoj knigi 1920–h godov* [Avant-garde and the building of a new man. The art of Soviet children's books of the 1920s]. Moscow: New literary review.

Suslova, I. (2020). “Nado znakomit'sya s mashinami”: materialy o kremacii v gazetah “Pionerskaja Pravda” i “Leninskie iskry” (1927–1930-e gg.) [“We need to get acquainted with the machines”: materials about cremation in the newspapers “Pionerskaya Pravda” and “Lenin's sparks” (1927–1930s)]. *Detskie Chtenija* [Children's readings], 17 (1), 62–89.

Ul'yaninskiy, V. (1928). *Rabota vetra* [Wind work]. Moscow: State publishing house.

Ul'yaninskiy, V. (1931). *Voda v prirode i na sluzhbe cheloveku* [Water in nature and in the service of man]. Moscow: State educational pedagogical publishing house.

Voronina, O. (2020). Education of the soul, Bolshevik style: pedagogy in Soviet children's literature from the 1920s to the early 1930s. In O. Voronina (Ed.), *A companion to Soviet children's literature and film*. Leiden, Boston: Brill, 212–249. DOI:10.1163/9789004414396_008

Vunder, P. (1924). *Zhizn' bolot i prudov* [Life of swamps and ponds]. Kharkov: All-Ukrainian Society for Assistance to Young Leninists.

Yunitskiy, P. (1924). *Zhivotnye, chto oni dayut cheloveku* [Animals, what they give to man]. Moscow: Tsentrosoyuz.

Zaborskiy, A. (1927a). *Ot kamennoy gory do pechki* [From stone mountain to stove]. Moscow: Rabotnik Prosveshcheniya.

Zaborskiy, A. (1927b). *Steklo, ego proizvodstvo i primeneniye* [Glass, its production and application]. Moscow: Rabotnik Prosveshcheniya.

Zakharov, A. (1925). *Pochemu tsvetut tsvety* [Why flowers bloom]. Moscow: Novaya Moskva.

Zheligovskaya, K. (1927). *Pionery v tsarstve pushniny* [Pioneers in the realm of furs]. Moscow: Molodaja gvardiya.

Для цитирования: Казакова, Е.О. «Извлекай из всего наибольшую пользу»: мир как ресурс в детской нехудожественной литературе 1920-х гг. // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 4. С. 21–43. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-4-21-43

For citation: Kazakova, E.O. (2022). “Make the most of everything”: the world as a resource in 1920s children’s non-fiction. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 7(4), 21–43. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-4-21-43

**“MAKE THE MOST OF EVERYTHING”:
THE WORLD AS A RESOURCE IN 1920s CHILDREN’S NON-FICTION**

Elena O. Kazakova, M.A., Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij dom) (Saint Petersburg, Russia); e-mail: elena.mail.kazakova@gmail.com

Abstract. The article discusses the process of building a “resource approach” in relation to nature in early Soviet children’s non-fiction. On examples from books on energy, technology, minerals, flora and fauna, it is shown how the sentimentalization of nature is abandoned and redirected towards consumer discourse. Methodologically the article is in the zone of intersection of literary approaches, adhering to the tradition of rhetoric studies and attempts to contextualize it, using the arsenal of digital humanities and automated construction of concordance according to the lemmas “benefit”, “useful”, “use” with the corpus tool (DetKorpus). The analysis of the identified contexts of word usage demonstrates how, with the help of the concept of “benefit”, authors create a new way of nature management in the readers’ minds, in which “taking advantage” becomes a key condition in interaction with the outside world. With regard to the extraction of raw materials, energy resources, the development of territories, and wildlife, authors use the rhetoric of “metaphorical violence” – the suppression and coercion of free natural forces that should be put at the service of man. Such ideological components of this phenomenon as the campaign to promote the first five-year plan and M. Gorky’s texts, conceptualizing the project of an anthropocentric world, in which a person acts as a source of power, reorganizing the “first nature” into culture – “second nature”, are considered. The existence of a special trend within the framework of non-fiction, formed by a specific author’s rhetoric, with a double pragmatics of texts, consisting not only the translation of ideas, but also involvement of children in economic and production processes, is summarized.

Key words: Soviet children’s literature, non-fiction, popular science literature, resources, nature, nature management

